

«ПОМНИТЬ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ»: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*

Статья посвящена формированию и эволюции коллективной памяти о Великой Отечественной войне в поколенческой системе координат. В процессе исследования установлено, что война 1941–1945 гг. являлась знаковым историческим событием для общества советского времени и продолжает выполнять важные объединяющие и координирующие функции национальной и культурной идентичности в современный период. Вместе с тем в настоящей работе поставлена проблема изменения представлений и памяти о войне в продолжительной временной ретроспективе. Выявлены социокультурные, политические и идеологические факторы, сопутствовавшие функционированию коммуникативной памяти о событиях Великой Отечественной войны, обоснованы причины и условия трансформации коммуникативной памяти о событиях военного времени в культурную. Высказано предположение, что в обстоятельствах ограничения политического плюрализма складываются коммеморативные практики, направленные на конструирование такого варианта культурной памяти о важных событиях национальной истории, который будет выступать символическим ресурсом легитимации властных полномочий правящей элиты.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коммуникативная память, культурная память, коммеморативные практики, поколенческая идентичность.

Великая Отечественная война как часть Второй мировой войны представляет интерес для исследователя не только как эпохальное событие в истории человечества, оказавшее влияние на «мировой порядок» второй половины XX столетия. Для советского и российского народов грандиозные по своему масштабу события 1941–1945 гг. стали реперной точкой коллективного опыта нации и поколенческой идентичности, в основание которых легло общее представление о прошлом. Очевидно, что ни одно из значимых событий первой половины XX в. (революции, Гражданская война, опыт социалистического строительства в «отдельно взятой стране») не может претендовать на эту роль, поскольку они в большей степени раскалывали общество, формируя не одну, а множество идентичностей.

* Фраза «помнить нельзя забыть» является примером амфиболии — двусмысленности, возникающей от того или иного расположения слов. Восходит к распространенному крылатому выражению «казнить нельзя помиловать». Приоритет использования выражения «помнить нельзя забыть» в работах, посвященных коммеморативным практикам, принадлежит доктору исторических наук, профессору НГТУ Е. И. Красильниковой.

“TO REMEMBER NOT TO BE FORGOTTEN”: THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941–1945 IN THE COLLECTIVE MEMORY OF THE RUSSIAN SOCIETY

The article is devoted to the formation and evolution of the collective memory of the Great Patriotic War in the generational coordinate system. In the process of the research, it was established that the war of 1941–1945 was an important historical event for the society of the Soviet era, continuing to fulfill the unifying and coordinating functions of national and cultural identity in the modern period. At the same time, the present paper poses the problem of changing perceptions and memory of the war in a long time retrospective. The sociocultural, political and ideological factors accompanying the functioning of the communicative memory of the events of the Great Patriotic War are revealed. The reasons and conditions for the transformation of the communicative memory of the events of wartime into cultural ones are substantiated. It was suggested that in the circumstances of the restriction of political pluralism, commemorative practices are emerging aimed at constructing such a variant of cultural memory of important events in the national history that will act as a symbolic resource for legitimizing the power of the ruling elite.

Keywords: Great Patriotic War, communicative memory, cultural memory, commemorative practices, generational identity.

Тем не менее любое, даже самое грандиозное событие является неотъемлемой частью единого конструкта — историческая память и забвение. Коллективная память о Великой Отечественной войне в системе координат памяти поколений обладает такими важными характеристиками, как подвижность и лабильность, что ориентирует сегодня представителей гуманитарного знания не столько на исследование событийных аспектов прошлого, сколько на рефлексию состояний: представлений о войне, заключенных в канву теорий индивидуальной и коллективной (коммуникативной и культурной) памяти, коммеморативных практик, направленных на поддержание памяти о значимом событии или конструирование её новых форм.

По мнению французского социолога дюркгеймовской школы М. Хальбвакса, индивидуальная память человека всегда имеет под собой прочный социальный фундамент, поскольку воспоминания возможны лишь в обстоятельствах постоянной коммуникации: пространственного контакта, интерактивности, взаимного речевого сообщения, что в конечном итоге способствует конструированию поля совместных воспоминаний [1]. Формированию коммуникативной памяти сопутствуют и определенные темпоральные рамки,

так как фоном человеческого существования являются не только социальные обстоятельства, в которых человек живет и действует, но и состояние, определяемое немецким историком А. Ассман как «специфический временной горизонт» [2, с. 15]. С точки зрения А. Ассман, в основе этого временного горизонта — период одновременного существования и непосредственной коммуникации трех поколений (80–100 лет), результатом которых становится формирование оперативной памяти общества [2, с. 15]. С завершением цикла действия активной социальной (коммуникативной) памяти начинается собственно «история», процесс мемориализации прошлого, в функционировании которого решающая роль принадлежит нормативной культурной памяти.

В исследованиях исторической памяти, стартовавших в конце XX в., существует множество авторитетных школ и направлений, репрезентирующих различные подходы к определению данного феномена. В рамках направления *memory studies*, в центре внимания которого располагается историческое сознание, коллективная память отдельных социальных групп и человечества в целом, продуктивно исследуются вопросы становления мемориальных систем современных обществ, а также коммеморации исторических событий как инструмента символической политики и формирования коллективной идентичности [3; 4; 5; 6]. При этом общим знаменателем является признание того непреложного факта, что предметом истории становится не прошлое, а память о нём.

Основными носителями и трансляторами памяти о событиях выступают его непосредственные участники. С окончанием Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. именно поколение фронтовиков неосознанно взяло на себя функцию конструирования пространства оперативной памяти. Память поколения как форма социальной памяти всегда связана с автобиографической памятью и идентичностью группы. Следует сразу оговорить, что понятие «фронтное поколение» обладает такой специфической характеристикой, как возрастная гетерогенность. Фронтовики, прошедшие горнило войны, представляли собой сплав из нескольких поколенческих фракций. По справедливому замечанию Е. С. Синявской, поколение 1890–1904 гг. рождения (вторая мобилизация, август 1941 г.) было свидетелем Первой мировой войны, революции и Гражданской войны; поколение 1905–1918 гг. рождения (первая мобилизация, июнь 1941 г.) в сознательном возрасте пережило события НЭПа и первых пятилеток, в той или иной степени было затронуто индустриализацией и коллективизацией, являясь современниками политических репрессий второй половины 1930-х гг.; рожденные в 1920-х гг. не имели богатого социального опыта, отсутствие которого замещалось влиянием на их мировоззрение идеологических установок политического режима СССР [7]. Вместе с тем с окончанием войны и вступлением страны в мирный формат жизнедеятельности постепенно складывались условия, в которых возрастные различия нивелировались, уступая место вновь формирующейся фронтовой идентичности группы. В данном отношении нам близка трактовка понятия «поколение», предложенная Ульрикой Юрайт, которая в своем определении апеллирует не к возрастным границам сообщества,

а к стратегиям и результатам самоидентификации и отграничения от «других» [8].

Решающей интенцией к оформлению идентичности, в конкретном случае — фронтовой, являются знаковые исторические события и специфика их индивидуальной и групповой рефлексии. Необходимо отметить, что складывание фронтовой идентичности — пролонгированный во времени процесс, который был обусловлен широким спектром социально-экономических, психологических и политических факторов.

Во-первых, демобилизация вернула к мирной жизни многочисленный слой людей фертильного возраста, преимущественно представителей мужской части социума, обладавших военными навыками и соответствующей квалификацией, но, как правило, не имевших законченного образования, профессии, семьи. Участие в военных действиях, с постоянно сопутствующими им стрессовыми ситуациями способствовало приобретению индивидуального опыта адаптации к сложным условиям военной жизни. Совершенно очевидно, что такие свойства характера, как склонность и готовность к риску, принятию самостоятельных решений, сформированные в период войны, далеко не всегда являлись востребованными в мирное время. В результате вчерашние победители оказывались в достаточно сложной социальной ситуации «встраивания» в забытую за годы войны модель мирной повседневности. О. С. Поршнева абсолютно точно фиксирует черту, свойственную носителям кратковременной памяти, непосредственным участникам военных событий: восприятие войны как стихийного бедствия, катастрофы, причины которой малопонятны, а последствия ужасны [9, с. 119].

Следует добавить, что участники Великой Отечественной войны помещали это событие в разряд наиболее ярких и значимых в истории человечества, осознавая свою причастность ему. Такая уверенность во многом подпитывалась государственной социальной политикой и политикой памяти первых послевоенных десятилетий, направленных на преодоление «травмы» военных потерь. Своеобразная психологическая компенсация выражалась в окружении выживших в войне ореолом героизма и преданности Родине, конструировании образа народа-героя, действовавшего под мудрым руководством партии и правительства.

Между тем внутреннее противоречие между декларативной героизацией народа-победителя и реальным статусом вчерашних фронтовиков уже в первые послевоенные годы обозначилось довольно четко. Демобилизованные из армии столкнулись с ощутимыми проблемами бытового характера в части трудоустройства, обеспечения жильем, особенно в районах, входивших в ареал военных действий. Весьма показательна горькая статистика нищенства в СССР в послевоенный период (данные на 1954 г.): из 25 500 человек, вынужденных заниматься этим ремеслом, 70 % приходилось преимущественно на инвалидов войны [10, с. 295]. Радужные надежды на предстоящую жизнь с окончанием войны сменялись пессимистическими настроениями: «Когда вернемся мы обратно, с ума от радости сойдем!...»; «Чем-то эти дни не отвечали нашим фронтовым мечтам о будущем... Мы не ждали молочных рек и кисельных берегов. Своими

глазами видели спаленные села, руины городов. Но у нас всё же появились свои, пусть и расплывчатые, представления о справедливости, о собственном назначении, о человеческом достоинстве. Они удручающе не совпадали с тем, что нас ждало едва не на каждом шагу» [11, с. 459; 12, с. 242].

Во-вторых, на объективные трудности адаптации к мирной жизни (отсутствие образования, специальной профессиональной подготовки и т. д.) накладывалось психологическое состояние комбатантов (участников боевых действий). Надо сказать, что проблема «выхода из войны» с последующим вступлением в мирную жизнь давно и продуктивно обсуждается представителями разных областей научного знания: военной психологии, психиатрии, философии, культурологии, исторической антропологии. Судьбы военных поколений в условиях мирной жизни широко репрезентировались в эссеистике, художественной литературе, кинематографе, причём отчетливые контуры этот интерес приобрел уже после Первой мировой войны, когда представители западной интеллигенции, принявшие участие в катастрофических событиях начала XX в., заговорили о себе как о «потерянном поколении» (Г. Стайн, Э. Ремарк, Т. Элиот, Э. Хемингуэй, Ф. С. Фицджеральд).

К сожалению, в России отсутствует открытая статистика, свидетельствующая о количестве случаев психических девиаций среди советского воинского контингента, однако, по данным зарубежных специалистов, из всех солдат, участвовавших в сражениях Второй мировой войны, 38 % имели различные расстройства психики, количество которых возросло по сравнению с Первой мировой войной на 300 % [13, с. 259]. Заметим при этом, что с окончанием войны из советской армии было демобилизовано 8,5 млн военнослужащих, составивших, по сути дела, новый социум СССР [10, с. 48]. Косвенным признанием государством данной «проблемной зоны» стала активная социальная политика, которая начала формироваться ещё в военный период, достигнув своего пика к 1960-м гг. К разряду основных её элементов относилось не только пенсионное обеспечение фронтовиков, но и льготное медицинское обслуживание, социальная реабилитация инвалидов и участников Великой Отечественной войны [14, с. 93].

В современной психиатрии при описании поведенческих реакций участников боевых действий активно оперируют понятием «посттравматическое стрессовое расстройство» (далее — ПТСР). По мнению исследователей, ПТСР у ветеранов боевых действий диагностируется с частотой от 14 до 62 % [15]. В этой связи адаптация к условиям мирной повседневной жизни тесно связана с наслоением других факторов стрессирующего характера, прежде всего социальных, которые значительно усиливают посттравматическое состояние: материальное положение, доходы, общественный статус, семейные взаимоотношения.

Характеризуя симптоматику ПТСР, специалисты отмечают, что наиболее характерными признаками изменения личности комбатантов являются: хроническая тревога, настороженность, враждебность и недоверчивость к окружающим, аффективная лабильность, проблемы в межличностных отношениях, а также апатия, стремление избегать разговоров на социальные темы и даже резкое снижение

самой социальной активности. Психиатры делают вывод о том, что переживание комбатантом травмирующей ситуации непосредственно способствует диссоциальным изменениям личности [15].

Можно констатировать, что жизнь фронтовиков, участников Великой Отечественной войны, как бы распалась на два этапа: до и после неё, когда посттравматический синдром формировал ситуацию системного кризиса личности, атмосферы недовольства своим статусом, социально-аутсайдерства, снижения карьерной активности, поиска новых вариантов социокультурной идентичности.

Ощущение социальной неудовлетворенности и растерянности поколения ветеранов в условиях послевоенного времени в СССР метко охарактеризовано в стихотворении Ю. Левитанского «Моё поколение»:

Сколько по свету кружили
Вплоть до победы — служили.
После победы — служили.
Лучших стихов не сложили [16, с. 84].

Добавим, что это ощущение усугублялось и факторами идеологического порядка. Война до известной степени приоткрыла советскому человеку двери в западный мир, дала возможность воочию наблюдать образ жизни и быт «чуждого» европейского общества, что не могло не запустить волну космополитических настроений в среде фронтовиков. Советская власть отреагировала на подобную «фривольность» не только новыми политическими процессами, направленными против любых проявлений космополитизма, но и откровенно непопулярными в народе мерами материального характера в отношении ветеранов войны, в числе которых центральное место занимала отмена так называемых наградных выплат в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 г.

Чувство «украденной» победы, растущего конфликта между должным и сущим оказывается в центре коммеморативного дискурса фронтовиков, так созвучного афоризму Т. Шанина: «Нет более страшной вещи, чем война, в которой побеждаешь...» [17]. «Фронтовикам хорошо памятли послевоенные 40-е годы, когда они возвращались в разоренные города и голодные села. <...> Никто в то время не рассчитывал на какой-либо достаток, не претендовал на привилегии — надо было впрягаться в адский труд и налаживать разоренное. И тем не менее уже тогда стало ясно, что народ-победитель заслуживал большего — по крайней мере, элементарного к себе уважения за беспримерную в истории победу»; «Отрезвление пришло в первые послевоенные годы, трудные и сложные для бывших фронтовиков... Мы почувствовали себя ненужными, ущербными, особенно инвалиды, получившие нищенские пенсии, на которые невозможно было прожить (которых не хватало даже на то, чтоб выкупить карточный паек)»; «После войны ветеран войны, тот, кто воевал на фронте и вернулся, — это были самые уважаемые люди. И первый, конечно, удар по ним нанес гений всех народов, наш вождь и учитель, который года через два после войны отменил деньги за ордена. За Звезду платили 10 рублей, за орден Отечественной войны — 15, за орден Красного Знамени — 20...

Для колхозника это было много. И даже вот я был студент, месяца два не получаешь, придешь — это деньги. Но дело не в деньгах — это был нанесен удар по чести...» [цит. по: 7] «...И когда этого не случилось (не оправдались оптимистические ожидания. — М. Ч.), началась ностальгия по военным временам. Чем труднее, нелепее складывалась жизнь, тем отраднее вспоминались эти страшные времена»; «Не сразу мы, вернувшиеся с фронта, ощутили себя поколением, почувствовали связь между собой, необходимость в ней. Миновали первые послевоенные годы, и мы начали искать друг друга, наводить справки, списываться, искать встречи. Вероятно, что-то в мирных днях заставляло нас держаться “до кучи”» [12, с. 239–240].

По сути, последние два свидетельства косвенно подтверждают факт формирования новой «фронтной» идентичности, с характерной для неё моделью «вспоминания» о прошедших событиях. А. Ю. Ватлин, обосновывая специфику поколенческого среза в историческом сознании, подчеркнул, что поколенческую идентичность формирует не только то, о чём предпочитают вспоминать или забывать, но и то, каким образом вспоминают: «Подобно беседе со случайно встреченными земляками, с представителями своего поколения вы столь же быстро найдете общую тему для разговора. Вы можете соглашаться или спорить с ними о прошлом далеком или пережитом, но в любом случае вы будете разговаривать “на одной волне”» [18].

Выскажем предположение, что психологический стресс, ставший своеобразным биографическим фоном жизни участников войны в мирное время, постепенно уводил часть фронтовиков из зоны социального комфорта и социокультурных реалий настоящего времени в сферу активного участия в конструировании памяти о прошлом, что предопределило формирование сложной и расколотой поколенческой идентичности. Одной из характерных черт этого процесса стало стремление власти селективировать результаты складывавшейся оперативной памяти о войне, вписав их в общий стандарт государственной коммеморативной политики.

Совершенно очевидно, что, несмотря на идеологические ограничения, такие как тотальный контроль за обществом, цензурные препятствия, формы репрезентации памяти о прошедшей войне, сложившиеся в мирный период, раскололись на «парадные» и «непарадные». Так, например, художественная проза писателей-фронтовиков не только производила и транслировала героический пафос прошедшей войны (С. П. Бабаевский, А. Б. Чаковский), но и обращала внимание на глубоко трагические её эпизоды (К. Д. Воробьев, В. П. Некрасов, В. С. Гроссман).

Короткий «вегетарианский» период советской истории, начавшийся после XX съезда партии, открыл широкие возможности плюрализма памяти о последней большой войне. Вместе с тем разработка коммеморативных стратегий на государственном уровне настоятельно требовала соединения исторического события с действующими идеологическими установками, что было вызвано потребностью постоянной легитимации политического режима СССР в условиях общественной либерализации. Уже с середины 1960-х гг. государство, обладая мощным административным ресурсом, использовало в качестве основного актора

пропаганды в сфере корректировки исторической памяти Главпур (Государственное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота СССР), что решительно ускорило процесс стандартизации памяти о Великой Отечественной войне.

В 1960-е гг. в дискурс коммуникативной памяти о прошедшей войне включается поколение, появившееся на свет в 1940-х гг. — шестидесятники. Исследования социальной идентичности данной группы, проведенные психологами, наглядно продемонстрировали, что в её основе располагается общность интересов и мировоззрения с представителями своего поколения (74 % выборки), память о событиях прошлого (62 %), надежды и тревоги за будущее (42 %), ответственность за перспективы своей страны и народа (36 %) [19, с. 75–76]. Физическое взросление данной группы совпало по времени с взрослением социальным, которое происходило в условиях ослабления государственно-идеологического диктата и разрядки международной напряженности. Относительно благоприятная внутривнутриполитическая и внешнеполитическая ситуация способствовала росту социальной активности шестидесятников, актуализировала их карьерную мотивацию, что выгодно отличало поколение «детей» от поколения «отцов».

Вместе с тем публично отрекаясь от «темных» страниц тоталитарного прошлого, советская власть оставалась непреклонной в сфере конструирования коммеморативной политики, в которой «правильная» память о Великой Отечественной войне занимала приоритетное место. Государство, используя цензуру в качестве надежного идеологического инструмента, стремилось во что бы то ни стало отстоять ценности социалистического строя и неизбежность партийной доктрины, активно включаясь в «бои за историю» и историческую память. Когда в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в западной политологии утвердилась концепция «тоталитаризма» (К. Фридрих, З. Бжезинский), а в зарубежной историографии Второй мировой войны возобладал тезис о единой природе фашистского и коммунистического политических режимов, сложились все условия для государственной «приватизации» памяти о войне и привлечения общественных сил для защиты национальных интересов и национальной безопасности. Поколение шестидесятников, реагируя на этот вызов, в конечном счете сделало свой выбор:

Честней в канаве где-нибудь подохнуть,
Чем предпочесть сомнительную честь
От ненависти к собственным подонкам
В объятия к чужим подонкам лезть [20].

В обстоятельствах свертывания политики общественной либерализации в СССР в середине 1960-х гг. кардинально изменились стратегии социального поведения поколения шестидесятников, что приводило к определенным трансформациям в поколенческом сегменте памяти о войне. Крушение надежд и ожиданий эпохи оттепели поставило шестидесятников перед фактом социальной адаптации к новым условиям политической и культурной реальности. Поколение, по объективным причинам не реализовавшееся как «бунтари» и «ниспровергатели», достигнув возраста

зрелости, обратилось к отчаянным попыткам приспособиться к текущим социальным условиям, выбрав путь профессионального совершенствования, строя партийную, административную, научную карьеры. Стратегия «встраивания», в свою очередь, обязывала принимать и поддерживать конвенции, установленные властью, в том числе и в тех вопросах, которые касались практик сохранения и трансляции исторической памяти.

Таким образом, перемены в общественно-политическом климате, инициировавшие трансформации в идентичности поколения шестидесятников, подготовили почву для начала мемориализации исторической памяти о Великой Отечественной войне, что проявилось в исключительно «парадных» практиках её репрезентации во второй половине 1960–1980-х гг. В эти годы окончательно складывается социально-культурная инфраструктура памяти о войне как наиболее знаковой для СССР события, завершавшем первую половину XX столетия. Она объединила главных мнемонических акторов эпохи: тоталитарное государство и поколение, проигравшее ему в конкурентном противоборстве за власть и распоряжение символическими ресурсами. Теперь власть, при молчаливом согласии общества, оказалась абсолютно вольна создавать максимально комфортный для собственной легитимации миф об организованной под её руководством Великой Победе, насыщая пространство памяти вещественными и символическими артефактами: пышными парадами, типовыми памятниками, музеями и мемориальными комплексами. В результате поле коммуникативной памяти стремительно сужалось, уступая место формальному её сохранению, что, по определению М. Кундеры, может восприниматься не иначе как одна из форм забвения [21].

Дальнейшее ослабление активной памяти о Великой Отечественной войне, ускорившее её переход из коммуникативного в культурное состояние, связано с периодом социальной активности поколения X (вторая половина 1960-х — начало 1980-х гг.). Исследования идентичности данной группы, чья юность и молодость пришлись на эпоху коренных преобразований общественно-политической жизни страны и государственного устройства (перестройка, гласность, распад СССР, создание и укрепление новой российской государственности), продемонстрировали высокую степень их общности с представителями своего поколения (53 %), значительно меньшую с поколением родителей (24 %) и мизерную с поколением бабушек и дедушек (10 %) [19, с. 76]. Формирование мировоззрения поколения X происходило в условиях ожесточенного противоборства стремительно дряхлеющей, выхолащенной, состоящей из демагогических штампов марксистско-ленинской идеологии и набирающих силу теорий рыночного капитализма и политического плюрализма. Фоном становления поколения являлись крайне неблагоприятные обстоятельства материальной жизни, выразившиеся не только в кризисе советской модели экономики, но и в большом количестве конкурирующих проектов её переустройства, что, с одной стороны, погружало поколение X в состояние социальной и политической апатии, с другой — усиливало адаптивность и прагматичность.

В условиях трудной жизненной ситуации конца 1980-х — начала 1990-х гг. «распалась связь времен» [22]. Публицистический и исторический дискурсы периода перестройки и постперестройки, ставшие не только важным эпизодом идейно-политической жизни страны, но и фактором переформатирования исторического сознания и исторической памяти, в скором времени были вытеснены на периферию общественных интересов текущими социально-экономическими реалиями. Либерально ориентированный сегмент поколения шестидесятников наконец получил возможность не только включиться в государственническую работу, но и занять в ней ведущие позиции, что в итоге привело к разрыву коммуникативных контактов с поколением X, нашедшем себя в системе новых экономических отношений. Показательно, что на вопрос «Интересуют ли Вас события Великой Отечественной войны?» поколение «шестидесятников», чьи представления об этом событии формировались не только под влиянием «мертвых» форм памяти, но и через непосредственную коммуникацию с участниками войны, дало положительный ответ (очень интересуется) в 68,1 % случаев, тогда как в группе поколения X утвердительно ответило лишь 18,5 % опрошенных [23, с. 13].

Следует отметить, что для представителей поколения X, демонстрирующих высокую степень идентичности прежде всего со своими сверстниками (53 %), характерны низкие показатели социокультурной общности с поколением собственных детей (17 %), что во многом объясняется сокращением пространства коммуникации, в котором лидирующие позиции заняли вопросы организации быта и карьеры, а не далекого исторического прошлого.

В современной ситуации историческая память о Великой Отечественной войне переживает интересные метаморфозы. Социологические опросы студентов, проведенные накануне празднования 60-летия Победы, продемонстрировали высокий уровень солидарности респондентов в вопросе о приоритете памяти о войне над другими событиями (36 %). В то же время уверенность, что память о Великой Отечественной войне сохранится в сознании нынешней молодежи, оказалась свойственна лишь 6 % опрошенных [24, с. 99]. При этом весьма показательны, что 48 % общей выборки уверенно констатировали, что подвиг народа в войне будет примером для будущих поколений [24, с. 99].

О чём свидетельствуют эти данные? Во-первых, можно с уверенностью констатировать факт завершения коммуникативной фазы памяти о Великой Отечественной войне. Во-вторых, формирующаяся культурная память о событиях 1941–1945 гг. вмещена в контекст исторической политики Российской Федерации, в котором интерпретация знаковых событий прошлого однозначно подчинена интересам правящей элиты, ядром которой является консервативная фракция поколения шестидесятников и наиболее сервильная государству часть поколения X. В аспекте исторической политики показательными стали торжества, посвященные празднованию 70-летия Победы, когда главными институциями репрезентации и навязывания обществу представлений о Великой Отечественной войне выступили Российское военно-историческое общество и Российское историческое общество, руководители которых —

В. Мединский и С. Нарышкин — не только имели непосредственное отношение к политическому истеблишменту России, но и являлись лидерами партии власти. Следует также помнить, что Великая Отечественная война — неотъемлемая часть Второй мировой войны, соответственно, количество акторов, выстраивающих свои отношения с дочерью Мнемозины, значительно больше, нежели один (Россия), что само по себе предполагает наличие конкурирующих проектов и возникновение конфликтных ситуаций [25].

Подводя итоги, отметим, что общность представлений о прошлом, центральное место в которых занимают знаковые события национальной истории, является главной опорой социокультурной идентичности поколений. В данном отношении поколение участников Великой Отечественной войны — фронтовиков — заложило фундамент исторической памяти о самом выдающемся сюжете отечественной истории, на долгие годы ставшем базисом коллективного опыта нации. Фронтальная идентичность поколения — первичного носителя и транслятора исторической памяти о событиях — формировалась в условиях активной внутригрупповой коммуникации, обусловленной не только статусом победителей, чья репутация была окутана героическим ореолом, но и сложностями адаптации к мирной повседневности, посттравматическим стрессовым расстройством, которые способствовали постоянной актуализации в сознании комбатантов воспоминаний о войне.

Память о Великой Отечественной войне поколения шестидесятников — детей победителей — складывалась в контексте активных контактов с поколением фронтовиков: семейных, индивидуальных, профессиональных, бытовых. Однако процесс становления послевоенного поколения происходил в условиях иного эмоционального фона, в границах которого победа в войне выступала лишь в качестве события, обеспечившего возможность либерализации общества и важных реформаций в социальной, экономической и культурной сферах. Завершение реформ, инициированное государством, поставило шестидесятников в трудную жизненную ситуацию, когда дальнейшее существование и карьерные перспективы оказались возможными только при условии выбора конформистских стратегий, в числе которых было и согласие с государственными коммеморативными практиками стандартизации памяти о прошедшей войне.

Представления о Великой Отечественной войне в памяти поколения X начали формироваться под воздействием государственных практик коммеморации, репрезентируемых институциями социализации (школа, вуз, официальные литература, кинематограф, пресса). Коммуникативные контакты с поколением фронтовиков носили эпизодический характер в силу значительных возрастных различий, а с поколением родителей-шестидесятников ограниченность контактов определялась их профессиональной занятостью и политической индифферентностью. Короткий период актуализации памяти поколения X о войне как знаковом событии в истории страны был связан с социальными потрясениями конца 1980-х — начала 1990-х гг., когда под влиянием факторов политического плюрализма и публицистического бума произошла частичная реанимация интереса

поколенческого сообщества X к Великой Отечественной войне. Однако переформатирование памяти поколения X происходило уже не в коммуникативной, а в культурной системе координат.

Память о войне поколения Y конструируется за пределами поля традиционных коммуникативных связей, под влиянием широкого спектра конкурирующих коммеморативных проектов. При этом определяющее значение приобретает государственная историческая политика, в параметрах которой память о Великой Отечественной войне рассматривается как важный символический ресурс легитимации власти. Обладая неограниченным административным потенциалом, политическая элита оказалась способна предложить поколению миллениалов адекватную их ментальности «игровую» модель восприятия истории, в частности войны 1941–1945 гг., что не только расширило арсенал коммеморативных практик, но и дало власти возможность активно влиять на формирование такого варианта культурной памяти поколения, который будет максимально приближен к «государственническим» представлениям о Великой Отечественной войне.

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 03.04.2020).

2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.

3. Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. 2017. № 4 (87). С. 6–22.

4. Горнова Г. В. Конфликты идентичности в коммеморативных практиках и городской культуре памяти // Визуальная антропология — 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда: материалы III Междунар. науч. конф. / под ред. С. С. Аванесова, Е. И. Спешиловой. Н. Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2020. С. 72–79.

5. Шестов Н. И. Мемориальная система современных обществ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 435–440.

6. Чуркин М. К. Воспоминания «детей войны» (1941–1945 гг.) в коммеморативных практиках российского общества: «место памяти» или «место забвения»? // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2016. № 2 (11). С. 86–88.

7. Синявская Е. С. Фронтное поколение Великой Отечественной: социально-психологический феномен // Перспективы: [сайт]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35842> (дата обращения: 01.04.2020).

8. Jureit U. Generation, Generationalität, Generationenforschung // Docupedia-Zeitgeschichte. URL: <https://docupedia.de/zg/Generation?oldid=75515> (дата обращения: 08.04.2020).

9. Поршнева О. С. Феномен исторической памяти о войне // Урал. вестн. междунар. исследований. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 4. С. 112–119.

10. Зубкова Е. Ю. «Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском союзе. 1940–1960-е годы // Тр. Ин-та рос. истории. Вып. 11 / отв. ред. Ю. А. Петров, ред.-коорд. Е. Н. Рудая. М., 2013. С. 285–310.
11. XX век: Письма войны. М. : НЛО, 2016. 840 с.
12. Кардин В. Не застрять бы на обочине. Из писем фронтовому другу // Дружба народов. 1988. № 2. С. 228–249.
13. Сукиасян С. Г., Тадевасян М. Я. Роль личности в развитии боевого посттравматического стрессового расстройства // NB: Психология и психотехника. 2013. № 2. С. 258–308.
14. Бистякина Д. А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 2 (22). С. 83–94.
15. Пушкарев А. Л., Доморацкий В. А., Гордеева Е. Г. Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармакотерапия, психотерапия. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2000. 128 с.
16. Левитанский Ю. Стихотворения. М. : АСТ; Харьков : Фолио, 2005. 476 с.
17. Несогласный Теодор / реж. А. Архангельский // YouTube : [видеохостинг]. URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLeNbGOowrmdm1_GQhsHB63xG9KSopxn8 (дата обращения: 01.04.2020).
18. Ватлин А. Ю. В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. URL: <http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/inhalttruss19.html> (дата обращения: 04.04.2020).
19. Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 71–85.
20. Евтушенко Е. Фуку! // ЛитМир : электрон. б-ка. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=200696&p=1> (дата обращения: 07.04.2020).
21. Kundera M. Testaments Betrayed: An Essay in Nine Parts // BooksCafe.net : электрон. б-ка. URL: http://bookscafe.net/book/kundera_milantestaments_betrayed_an_essay_in_nine_parts-214663.html (дата обращения: 30.03.2020).
22. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М. : НЛО, 2013. 272 с.
23. Афанасьева Л. И., Меркушин В. И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 11–22.
24. Абрамзон М. Г. и др. «Война была... вчера». Российское студенчество о Великой Отечественной войне // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне : материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне». Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 98–106.
25. Полян П. Историомор. Структуризация памяти и инфраструктура беспамятства // Неприкосновенный запас. 2015. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2015/3/istoriomor.html> (дата обращения: 12.04.2020).

© Чуркин М. К., 2020